

Он никогда не был многословным человеком и не привык делиться своими мыслями с другими. С самого детства он привык держать всё в себе, и даже близкая сестра ничего не замечала, пока он молча переваривал свои переживания.

Однако Лю И в его глазах был не просто «другим».

Возможно, это было влияние алкоголя, а может, Лю И действительно занимал для него особое место. Ци Шаньюй поднял голову, допил свой martini и, поставив пустой бокал на деревянную стойку, замолчал на полминуты, прежде чем медленно произнёс:

— Я знаю... это моя проблема...

Лю И протянул ему свой бокал, из которого сделал лишь пару глотков, не торопя и не давя, лишь с улыбкой ожидая продолжения.

— Я рассказывал тебе, что мой отец был следователем, и в тот год, когда я только поступил в среднюю школу, он погиб при исполнении служебных обязанностей. Ты помнишь?

Ци Шаньюй увидел, как Лю И кивнул, и продолжил.

— На самом деле до его гибели произошло ещё одно событие... Оно связано с моей матерью...

Лю И заметил, что Ци Шаньюй не хотел вспоминать об этом, но это воспоминание слишком долго лежало в его душе, превратившись в застарелую рану. Лишь под влиянием алкоголя он смог приоткрыть завесу над своими чувствами и начал медленно рассказывать.

— Моя мама раньше была учительницей китайского языка в школе. Имена мне и моей сестре дала она.

Ци Шаньюй уставился на бокал перед собой, но его взгляд будто бы проникал сквозь жидкость, устремляясь к тем, кого уже не было в живых.

— В детстве Чжэньчжэнь часто болела, то и дело подхватывала простуду или температурила. Отец был очень занят на работе, часто не возвращался домой по несколько дней, поэтому мама уволилась с работы, чтобы полностью посвятить себя заботе о нас...

В рассказе Ци Шаньюя его покойная мать предстала красивой, доброй и спокойной женщиной с мягким характером, которая почти никогда не повышала голоса. Она любила читать, занималась каллиграфией, прекрасно готовила, вязала свитера и готовила десерты, полностью соответствуя общепринятому образу «идеальной жены и матери».

Но именно эта женщина, которой Ци Шаньюй так гордился, нанесла ему самый сильный удар в начале его юношества.

— В тот год, когда я только поступил в среднюю школу, я обычно после уроков ходил к одному преподавателю из полицейской академии учиться боевым искусствам. Но в тот день учитель потянул спину, и занятие отменили, поэтому я вернулся домой раньше обычного.

Заметив, что бокал Ци Шаньюя опустел, Лю И встал, чтобы приготовить ещё один напиток, но молодой человек схватил его за рукав и заставил снова сесть.

— В итоге я застал напарника моего отца в нашей главной спальне... вместе с моей матерью...

Хотя Лю И предполагал, что услышит что-то подобное, он всё же не знал, как реагировать на

эти слова.

Он понял, почему Ци Шаньюй так глубоко прятал эту историю и не хотел никому её рассказывать.

Даже будучи геем, он понимал, что история о том, как мать изменила отцу, была действительно очень тяжёлой для произнесения.

— Я отчётливо помню, что когда увидел это, у меня в ушах зазвенело, мысли смешались, и кроме ярости я ничего не мог почувствовать...

Ци Шаньюй вытащил одну из маленьких бутылок, стоящих на стойке, не обращая внимания на французскую надпись на этикетке, открыл её и начал пить прямо из горлышка, выпив больше половины за один раз.

— Этот дядя был напарником моего отца почти десять лет!

Он повторил эту фразу, и его голос дрожал от эмоций.

— Он часто бывал у нас дома, хорошо относился ко мне и сестре, даже подарил мне перчатки для бокса... Я всегда считал его близким старшим, уважал и любил его...

Алкоголь постепенно начал действовать, и Ци Шаньюй почувствовал, что всё вокруг начало расплываться.

Но в этом состоянии, когда он был на грани опьянения, слова, которые обычно было невозможно произнести, теперь казались не такими уж сложными.

— Он пришёл к нам в форме, брюки снял прямо у двери спальни... Я тогда был вне себя, вытащил дубинку из его пояса и бросился на него, ударив по голове.

Ци Шаньюй допил оставшуюся часть бутылки, бросил её в сторону и взял следующую.

— К счастью, я тогда был ещё ребёнком и не знал, как включить электрошок, иначе всё могло бы закончиться куда хуже...

Он усмехнулся, словно насмехаясь над собой, и с трудом открыл следующую бутылку.

— Позже мама пообещала мне, что когда отец вернётся, она всё ему расскажет... Она сказала, что независимо от того, простит он её или нет, она больше не будет его обманывать...

Ци Шаньюй замолчал, поднял голову и уставился на светильник над стойкой, прежде чем сдавленным голосом произнёс:

— Но отец не вернулся... Через два дня его ударили ножом в бок, и он умер, не успев добраться до больницы...

Лю И протянул руку и забрал бутылку, которую Ци Шаньюй снова поднёс к губам, аккуратно отнял её, налил в бокал немного водки, разбавил водой и добавил лёд, прежде чем вернуть бокал Ци Шаньюю с улыбкой:

— Это водка, не пей её так.

К этому моменту Ци Шаньюй уже не мог различить вкус того, что пил, и лишь механически

кивнул, принимая разбавленный напиток.

Из дальнейшего рассказа Лю И узнал, что из-за измены матери Ци Шаньюй много лет не мог простить её, поэтому в старших классах уехал учиться в школу-интернат, а затем поступил в Университет общественной безопасности.

И всё это время он скрывал эту историю от сестры, так что Ци Чжэньчжэнь никак не могла понять, почему после смерти отца мать и брат, которые должны были быть опорой друг для друга, вдруг стали холодны друг к другу, а брат даже на праздники не хотел возвращаться домой. Их отношения можно было описать как «чужие люди».

— Я думал, что никогда не смогу простить маму...

После стольких крепких напитков разбавленный виски со льдом казался ему почти как вода.

Он допил напиток, разгрыз лёд в бокале, и язык онемел от холода, а эмоции немного утикли.

— Но потом она заболела.

Ци Шаньюй посмотрел на Лю И, его глаза покраснели, щёки порозовели, а взгляд, обычно такой твёрдый, стал неожиданно уязвимым. Лю И почувствовал, как сердце его сжалось, и едва сдержался, чтобы не обнять его.

— Это был рак поджелудочной железы. Когда его обнаружили, уже было поздно делать операцию. Менее чем через три месяца её не стало.

Ци Шаньюй закусил губу, подавив рыдания, глубоко вдохнул и выдохнул, повторив это дважды, прежде чем произнёс:

— ...Как же я жалею, что не помирился с ней раньше...

На этом Лю И решил, что больше не стоит спрашивать.

Переживания юности Ци Шаньюя оставили в его душе незаживающую рану, а также сформировали у него своего рода психологическую чистоплотность, из-за которой он не мог терпеть неверность и предательство в отношениях.

Тот, кого Ци Шаньюй действительно хотел найти, должен был быть абсолютно верным, преданным и готовым быть с ним до конца жизни.

Но в гей-сообществе, где нет брака как гарантии и детей как связующего звена, такие люди, как он, желающие найти настоящую любовь, которая будет длиться вечно, были настоящими изгоями.

...А что насчёт него самого?

Лю И задал себе этот вопрос и получил лишь один ответ: он не знал.

До сих пор у него не было серьёзных романтических отношений.